

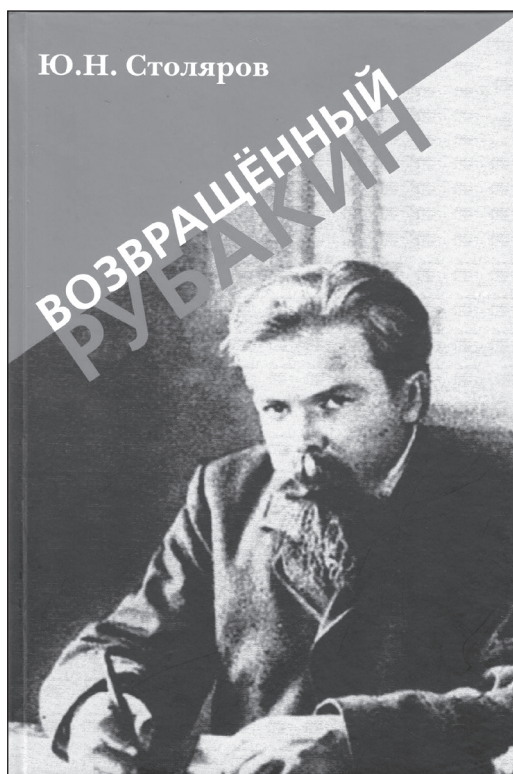
УДК 01/02–091+929Рубакин

Возвращение к Рубакину: эмоции и размышления

Столяров Ю.Н. Возвращённый Рубакин / Ю.Н. Столяров; Ассоц. школ. библиотекарей рус. мира; Отд-ние «Библиотекосведение» Междунар. акад. информатизации; Рос. гос. б-ка; Науч. центр исслед. кн. культуры РАН; Нац. б-ка Республики Саха (Якутия). — М.: РШБА, 2019. — 415 с.: ил. — 500 экз.

Обложка новой книги Ю.Н. Столярова не могла не привлечь моего внимания. На ней представлен портрет Н.А. Рубакина (1862–1946), знакомый мне ещё со студенчества: в одной из аудиторий Челябинского государственного института культуры он помещён среди других портретов выдающихся отечественных библиографов и книгovedов — типичный интеллигент начала XX в. с красивым лицом, вдумчивым взглядом. Порадовало и оформление оборотной стороны обложки, на которой приводятся краткие сведения об авторе монографии и его фото в мантии почётного профессора моего родного вуза. Положительные эмоции вызвало и чтение книги.

Я знала, что Юрий Николаевич давно работает с архивом Н.А. Рубакина, и появление его научного исследования — логичный результат кропотливой работы с рукописями классика, написанными неразборчивым почерком. Автор воспроизводит повседневность жизни русского интеллигента в далёкие от нас годы конца XIX и начала XX в., но это не повседневность быта и преодоления жизненных невзгод. Это повседневность поиска идеалов и идей, борьбы с косностью и темнотой. Очень интересны комментарии, где коротко представлены биографии революционных деятелей самых разных политических течений. Материалы доказывают, что Рубакин контактировал, и иногда очень тесно, с людьми,



идеалы которых далеко не всегда совпадали с его отношением к миру, но Николай Александрович, несмотря на это, никого из них не отвергал. Россия напряжённо искала идеал социального устройства, среди представителей разных сословий зрели идеи, которые в конце концов привели страну к революционным событиям. Н.А. Рубакин много лет был в гуще политических дискуссий, иногда ему приписывались чуждые взгляды и давались не-

объективные оценки. Большинство из тех, чьё профессиональное кредо формировалось во времена СССР, до сих пор искренне считают Рубакина эклектиком, потому что такую оценку ему дал В. И. Ленин [1]. На самом деле Рубакин был энциклопедист, а не эклектик. Ю. Н. Столяров пишет: «...Рубакин остался в истории личностью цельной, имеющей твёрдые нравственные и научные устои и принципы, которым верно и неукоснительно он следовал всю жизнь» (с. 83).

Одна из глав носит название «Чужой среди своих». Думаю, что одним из личностных достижений Н. А. Рубакина стало то, что ему удалось не стать своим среди чужих. Нравственные идеалы и человеколюбие оградили его от неверных шагов, позволили сформироваться принципу «кто не против нас, тот с нами», и следование ему сформировали характер, определивший его судьбу, главным в которой стало выполнение многострадальной миссии просветителя. Огромная эрудиция, ответственность «за тех, кого приручил», готовность помогать всем, кто обращался к нему за знаниями, позволили реализоваться его подвижническим проектам. Людей умных и образованных очень много, но среди них мало тех, кто готов бескорыстно отдавать себя служению просветительства, служению людям. С помощью Ю. Н. Столярова у меня сформировалось восприятие Николая Александровича Рубакина как фигуры эпической, и в то же время этот герой остался «телесным и идеально-одухотворенным». Благодаря Ю. Н. Столярову личность Н. А. Рубакина предстала передо мной во всей мощи разума и души, а его судьбу я оцениваю как глубоко драматическую.

В монографии подробно рассказывается о предшественниках и учителях Н. А. Рубакина — Х. Д. Алчевской, С. А. Анском (Раппопорте), А. М. Калмыковой, Л. Н. Толстом, П. П. Бирюкове и П. И. Милюкове. Одни из них широко известны, другие были мне не знакомы, некоторые открылись с новой стороны. Например,

П. И. Милюков — писатель и журналист, историк и лидер партии кадетов, министр иностранных дел Временного правительства, заклеянный в советской истории как враг революции, был, оказывается, патриотом России. Ю. Н. Столяров характеризует его как издателя, организатора Комиссии домашнего чтения. Привлекая к чтению многих русских людей, П. И. Милюков так же, как и Рубакин, фактически оказался в роли «чужого среди своих».

Юрий Николаевич меняет оценки жизни и деятельности многих людей, которые из-за одностороннего отражения в советской литературе были выкрашены или в «черную», или в «красную» краску. Благодаря кропотливости, правдивости и достоверности научных изысканий Ю. Н. Столярова мир того времени, в которое жил Н. В. Рубакин, расцвел для меня разными красками, засверкал переплетениями судеб людей и событий.

Среди имён, открытых автором, особое впечатление на меня произвела фигура Михаила Ароновича Макаровского, который в книге назван типичным рубакинцем. У Н. А. Рубакина и М. А. Макаровского — этих двух неординарных, ярких людей — сложились отношения ученика и учителя. Ещё в гимназическом возрасте М. А. Макаровский сам выбрал себе в учителя Н. А. Рубакина и написал ему письмо. В дальнейшем переписка продолжалась многие годы. Н. А. Рубакин оставался для него кумиром всю жизнь, тем не менее Михаил Аронович проявлял самостоятельность в оценках, вступал с ним в дискуссию по научным и практическим вопросам. Этот факт позволяет сделать вывод: Рубакин своих учеников не подавлял, он формировал самостоятельную, свободную, смелую, думающую личность. Интересна библиопсихологическая характеристика Макаровского, которую составил Рубакин на основе анкетирования: «Конкретный, не очень эмоциональный, сильно волевой, творческий, настойчивый (усидчивый). Психологический тип индуктивный, аналитический» (с. 91). Эта оценка вскрывает

и мировоззренческую, и психологическую близость двух незаурядных людей. Несомненно под влиянием Н. А. Рубакина, под воздействием и очарованием его личности М. Макаровский активно включается в общественную жизнь Петербурга, становится библиотекарем-просветителем и в своей библиотеке на практике реализует библиопсихологическую теорию. Нельзя без волнения читать строки о кончине типичного рубакинца. Февральскую революцию 1917 г. он встретил в родном Азове и стал одним из активистов организационной и культурно-просветительской работы. М. Макаровский был принципиальным человеком, не принимающим насилие, и действия большевиков вызывали у него негативную оценку. Октябрьскую революцию он не принял и отошёл от политических дел, но погиб как истинный революционер от рук палачей из отряда белогвардейского офицера К. Икаева. Его повесили напротив городской Думы, вешали несколько раз — верёвка обрывалась, и его снова вешали. Страшная смерть... Прекрасная одухотворенная жизнь! Думаю, что М. А. Макаровский — изначально фигура трагическая. Если бы смерть не застигла его в 1918 г., можно предположить, что с его взглядами и бескомпромиссностью он вряд ли бы выжил в мясорубке репрессий 1930-х гг.

Героями Ю. Н. Столярова стали многие, ведь такую личность, как Рубакин, невозможно представить без сподвижников, учителей и учеников. Все они вызывают восхищение и удивление. Хочется, чтобы память о них была и светлой, и долгой. Ю. Н. Столяров сделал для этого немало, теперь очередь за нами. Мы должны рассказать о книге и её героях своим ученикам, вызвать интерес у студентов к библиотекарям прошлого, потому что без вклада великих просветителей не было бы современного профессионального сообщества.

При чтении книги меня захлёстывали эмоции, но пора от эмоций перейти к анализу и книги, и деятельности её героя.

Знакомясь с личностью и мировоззрением Н. А. Рубакина, я пришла к выводу: толерантность — основа для выработки и реализации его научных идей, которые вызревали в ситуации формирования библиотечной и библиографической деятельности в конце XIX и начале XX в. В библиотековедении и библиографоведении, которые должны изучать и книгу, и читателя, очень долго был уклон только в изучение книги. При жизни Н. А. Рубакина преобладала книгоцентристская библиографоведческая парадигма [2]. Ещё в середине XIX в. в библиографии сформировались два направления: либерально-аристократическое, ориентирующее библиографа на создание полных и точных списков книг, и либерально-демократическое, возлагающее на библиографа миссию компетентной помощи читателю в выборе книг. Так библиографы разделились на «общественников и академистов» [3, с. 88], и впоследствии сформировались два вида библиографии: государственная (ранее называвшаяся учётно-регистрационной) и рекомендательная. Позиции библиографов-общественников были наиболее близки Н. А. Рубакину. Но его заслуга в том, что эти позиции он обогатил подходами из психологии и педагогики. Н. А. Рубакин смог поставить читателя во главу библиотечного дела: «самая суть библиотечной работы — не в книге, и не в её даже самом великолепном содержании, а в читателе» (с. 170).

Учение Рубакина имело немало противников, Ю. Н. Столяров даёт им отповедь, защищая большого учёного от нападок и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Н. А. Рубакин создал новое научное направление, названное им «библиопсихология». Но высказать идею — это одно, а создать научную концепцию и реализовать её как многолетнюю практику — это другое! В качестве примеров реализации идей библиопсихологии приведены библиопсихологические портреты В. И. Ленина, Л. Б. Хавкиной, И. Дуйчева и других людей, составленные Н. А. Рубакиным.

Конечно, все портреты воспроизвести невозможно — их количество измеряется тысячами. Анализируя библиопсихологическое учение Рубакина, Ю.Н. Столяров приходит к выводу, что его герой — прав и одновременно — неправ. Рубакин считал, что у книги столько содержаний, сколько у неё читателей. Юрий Николаевич уточняет этот тезис: у книги столько восприятий, сколько у неё читателей. Точнее можно сказать и так: содержание у книги есть, и оно одно-единственное, заложенное в неё автором. А вот восприятий существует столько, сколько прочтений, т. е. больше, чем читателей. Потому что даже один и тот же читатель может по-разному отнестись к одному и тому же произведению в разных жизненных ситуациях. Но в главном Н.А. Рубакин и Ю.Н. Столяров едины, они видят в библиотекаре первого помощника читателю в выборе книги, которая будет соответствовать его психологической характеристике, его целям и задачам. Такие же задачи стоят и перед одним из видов библиографии, названной рекомендательной. Сегодня рекомендательная библиография оказалась в жесточайшем кризисе, это случилось из-за отрицания прежних достижений. Но, как говорится, «вместе с водой выплеснули и младенца». Да, в советское время рекомендательная библиография могла достигать поставленных целей, потому что должна была решать идеологические задачи, нередко приверженность библиографа взглядам коммунистической идеологии была основным критерием в его оценке труда. Реализовывать задачу выбора книг в соответствии с индивидуальными психологическими сторонами личности читателя, конечно, гораздо труднее, чем решать вопросы идеологических соответствий. Думается, что решение психологических задач было под силу только таким гигантам мысли и духа, как Н.А. Рубакин. Следовать учению Н.А. Рубакина чрезвычайно сложно. Для воплощения идей Рубакина и их методического продвижения требуется многостороннее и глубокое зна-

ние литературы и подвижническое служение читателю. В наше время существуют технологии, которые обеспечивают максимально индивидуализированные рекомендации книг. Эти технологии созданы в сфере книготорговли и широко реализуются в книжном магазине «Амазон» [4], но они обязательно будут востребованы и в библиотечной практике. В связи с этим хочется сказать: инструментарий Н.А. Рубакина представляет интерес и для создателей информационно-коммуникационных технологий. Опираясь на библиопсихологию, они смогут сделать свой продукт ещё более совершенным, обеспечивающим точное соответствие между читателем и книгой.

Стиль Ю.Н. Столярова не вызывает нареканий: он использует всё богатство научного языка, при этом текст изложен доходчиво. Наверное, автору было непросто определить структуру книги, но эту сложную задачу он решил великолепно. Ему удалось чётко структурировать материал о жизни просветителя, его мировоззренческом кредо, творческих интересах и библиопсихологической теории. В книгу органично вписались материалы о его предшественниках, учителях, последователях-единомышленниках и учениках. Практическую ценность имеют такие разделы книги, как рекомендации по самообразованию, руководству детским чтением и описание библиотек, созданных Н.А. Рубакиным. Наиболее чётко профессиональные позиции учёного проанализированы в разделе, посвящённом его библиографическому пособию «Среди книг». Ранее указатель изучался в вузах как образец реализации идей составителя, но при этом воспроизводилась оценка данного библиографического произведения В.И. Лениным, который, будучи большевиком, рассматривал труд Н.А. Рубакина с точки зрения соответствия революционным задачам. Теперь преподавателям библиографических дисциплин Ю.Н. Столяров предоставил возможность объективно и разносторонне анализировать указатель

«Среди книг», точнее оценивать деятельность Н. А. Рубакина.

В наше время погоня за увеличением списка научных публикаций нередко приводит к тому, что авторы спешат выпустить всё больше новых работ и отказываются от кропотливой подготовки справочного аппарата, облегчающего использование издания. Для меня примером научного издания является монография О. П. Коршунова «Проблемы общей теории библиографии» [5]. В справочный аппарат этого труда, кроме оглавления, обязательного списка литературы, включены также предметный указатель и указатель имён. Когда вспомогательными указателями оснащались труды классиков марксизма-ленинизма, то над реализацией этих проектов работали огромные коллективы учёных. Развёрнутый поисковый аппарат книги «Возвращённый Рубакин» — это особая доблесть и заслуга Ю. Н. Столярова, который и в данном вопросе оказался на высоте. В издании большое количество постраничных библиографических ссылок, коммен-

тариев и большой раздел «Приложения», в котором представлены иллюстрации, воспроизводящие страницы рукописей Н. А. Рубакина, обложки книг, портреты и фотографии членов его семьи, друзей, а также анкеты, после заполнения которых можно создать психологический портрет взрослых и юных читателей. Благодаря этому разделу содержание книги стало богаче, и возможности её практического использования расширились.

При подготовке данного издания в очередной раз проявился талант Ю. Н. Столярова как организатора. Выпуску книги содействовали несколько библиотечных структур, в деятельности которых Ю. Н. Столяров активно участвует. Нечасто мы видим такую кооперацию при реализации издательских проектов. Надо поблагодарить автора и всех, кто имеет отношение к выходу замечательной книги. Надеюсь, что она будет востребована учёными-библиотековедами и библиотекарями-практиками, преподавателями и студентами.

Библиографический список

1. В. И. Ленин и библиотечное дело. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Книжная палата, 1987. С. 199–201.
2. Соколов А. В., Берестова Т. Ф. Парадигмы библиографоведения: книга, документ, ресурс : (очерки о прошлом и будущем библиографической науки). Челябинск, 2014. 489 с.
3. Соколов А. В., Фокеев В. А. Библиографоведение. Terraincognita. Диалог о библиографической науке: науч.-практ. пособие. М. : Литера, 2010. 206 с. (Современная библиотека ; вып. 73).
4. Amazon заполучит сервис рекомендаций для книголюбов Goodreads. Режим доступа: <http://pro-books.ru/sitearticles/12042>.
5. Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии: монография. М. : Книга, 1975. 190 с.

Татьяна Фёдоровна Берестова

Челябинский государственный институт культуры, кафедра библиотечно-информационной деятельности, профессор, доктор педагогических наук, Россия, Челябинск, e-mail: berestova.home@mail.ru

Tat'ana Fyodorovna Berestova

Chelyabinsk State Institute of Culture, department of library and information activities, professor, doctor of pedagogical sciences, Russia, Chelyabinsk, e-mail: berestova.home@mail.ru